

Зинаида ШАРКО

Мои анкетные данные (О любви)

История эта началась давно, — без малого тридцать лет назад, — и кончится, по всей видимости, еще не скоро.

А произошла она с моей приятельницей, именно с приятельницей, а не с подругой, потому что в дамскую дружбу, да простят меня милые дамы, я не верю, — по моим многолетним наблюдениям, она — субстанция настолько хрупкая, что достаточно появиться на горизонте индивидууму мужского пола, как вчерашние "подруги до гробовой доски" мгновенно забывают о своей преданности друг другу, вне зависимости от того, влюбились ли в сей индивидуум одна из них или обе одновременно.

С приятельницей меня связывают многолетние профессиональные (мы обе актрисы) и соседские взаимоотношения, посему история, о которой я хочу рассказать, происходила у меня на глазах и известна мне досконально и во всех мельчайших подробностях.

Назовем мою приятельницу Она. Героя ее романа будем именовать Он, когда придет пора ему выйти на сцену.

Итак.

Она была женщиной в семейной жизни не из удачливых. Дважды была замужем, оба раза в мужья выбирала известных в нашем кругу людей (а возможно, выбирали Ее они), оба раза мужья ее покидали, а если говорить проще, просто бросали. Но Она упрямо делала вид, что сама их выгоняла.

Однажды, вернувшись со съемок из какого-то города, с восторгом и хохотом рассказывала, как к ней, живущей в двухместном номере, попытались на два дня подселить девушку, приехавшую на кинопробы, но регистраторы, услышав: "Я не могу жить в одном помещении с посторонним человеком, по этой причине выгнала из своего дома двух мужей".

Как-то я очень деликатно попыталась высказать Ей нечто похожее на сочувствие. Она сделала вид, что не заметила этого: "Ты обратила внимание, как я похожа на Хемингуэя, — его браки тоже длились по семь лет, — значит, мы оба одинаково талантливы".

Но если первое расставание Она пережила сравнительно легко, то со вторым было несколько сложнее.

Думаю, здесь было две причины.

Во-первых, второй брак казался ей серьезным и надежным, как, впрочем, и всем нам, эту пару знающим.

А во-вторых, возраст был весьма балзакковский. Как ни крути, а Ей исполнилось 39.

Надо отдать Ей должное, на людях она держалась завидным молодцом — всегда весела, подтянута, причесана, при полном макияже, хорошо одета.

Как-то на спектакле я увидела Ее в антракте, стоящей у окошка на лестнице рядом с другой нашей актрисой. Пройдя мимо них, я невольно обернулась на особенно бурный взрыв Ее хохота. Оказалось, это была реакция на текст актрисы, обращенный к Ней:

— Ну, что? Нужда скачет, нужда пляшет, нужда песенки поет?

А однажды, зайдя к Ней домой, я увидела Ее в совсем другом качестве. От внезапности моего прихода Она не успела натянуть на себя защитную маску беспечности и уверенности в себе — была мрачна, потеряна, не причесана, а через открытую дверь я заметила в ванной догорающую кучку пепла. Она сжигала какие-то, вероятно, когда-то дорогие письма и фотографии.

Как-то я наблюдала Ее за кулисами. Она ждала своего выхода и смотрела, как молодая пара играла трогательно-пронзительную любовную сцену. Ее лицо было совершенно спокойным, а по нему сплошным потоком струился водопад слез. Заметив меня, Она смутилась и, как бы оправдываясь, грустно улыбнулась и кивнула на сцену: "Меня так больше никто и никогда раздвевать не будет".

Сезон закончился. Она в основном сидела дома, к телефону не подходила, необходимость демонстрировать, как "жизнь прекрасна и удивительна", отпала. Я старалась не нарушать Ее затворничества, не влезать в душу, но несколько раз на лестнице встречала мрачной, неприбранной, не похожей на себя, обычной.

Я все понимала, я, старая воробышка, меня на мякине не проведешь, тем более что и Она больше не утруждала себя ненужным маскарадом. А однажды на мой вопрос: "Что с тобой? Не в настроении?" — Она мрачно отрезала: "Я в отпуске!" — вкладывая, как мне показалось, в слово "отпуск" не только календарный его смысл, а подразумевая отпуск пожизненный.

Во время отпуска скончался известный режиссер другого театра, и Она как-то механически пошла на похороны, чтобы отдать последний поклон, стояла вдали от всех отрешенная, никого не замечающая, с неподвижным лицом, залитым слезами.

Мы, актеры, противные люди, мы даже не люди, мы рабы своей профессии, даже в экстремальных ситуациях фиксируем и запоминаем то, что может когда-нибудь пригодиться в роли,

— и я подумала: вот так скуп надо играть без-у-те-шное горе, прекрасно отдавая себе отчет, что у Нее горе не столько по ушедшему человеку, сколько по своей, оставшейся в прошлом жизни.

К Ней подошел старый знакомый, москвич:

— Здравствуй! Что с тобой?

— Идиотский вопрос! Как ты думаешь, что со мной может быть на похоронах?

— Да нет. Сейчас не в это дело. Ты не в порядке. Я тебя не оставлю.

По дороге выяснилось, что он врач-психиатр. Она этого не знала и сейчас не придавала этому никакого значения. Ну, психиатр, ну, педиатр, ну, ветеринар — какая разница.

Назавтра он позвонил и пригласил на премьеру в театр первого супруга.

— А что, у вас в Москве все такие остряки-самоучки, или ты один такой талантливый? Я с ним сто лет не общаюсь и не знаю, где его театр находится.

Это была неправда, вернее, правда наполовину. Она с ним действительно не общалась, но не сто, а восемь лет, а в этом театре Она когда-то работала, следовательно, где он находится, прекрасно знала.

Но через два дня уже ждала, когда он заедет за Ней на такси, и вечером они были на премьере.

Она "смотрелась" рядом с ним. Он был высок, красив, молодежало-сед и элегантен. Публика была премьерной, масса знакомых, все с Ней здоровались, Она представляла своего партнера, гордо и независимо шла рядом с красивым мужчиной и краем глаза отмечала, что все на них оборачиваются.

В антракте он, извинившись, оставил ее на минуту одну, как выяснилось впоследствии, по просьбе Ее "бывшего", и заглянул к нему в кабинет.

— Как тебе удалось затаскать Ее в мой театр?

Это же что-то сверхъестественное. Ну, если ты еще уговоришь ее остаться на банкет, я признаю, что ты маг и волшебник.

Уговаривать не пришлось. Почему-то приглашение на банкет Она восприняла как нечто естественное и само собой разумеющееся.

Весь вечер Она была в центре внимания, остроумна, как никогда, без конца и непринужденно рассказывала одну за другой смешные истории, в общем, как у нас говорят в таких ситуациях, прочно заняла площадку.

У самой у Нее было состояние какого-то прекрасного наркотического опьянения, эйфории; "полетов во сне и наяву".

Еще через пару дней Она таким же странным образом оказалась вместе со своим партнером на премьере в другом театре, главную роль в спектакле играла Ее теперешняя "заместительница", в ложе восседал второй "бывший", и Она, не без удовольствия, заметила, что он не столько смотрел на сцену, сколько на них двоих, сидевших в самом центре зрительного зала.

И на этот раз публика была премьерная, и снова знакомые с ней здоровались, и снова Она представляла своего партнера и чувствовала себя так же превосходно, как и в прошлый раз. На следующий день "партнер" (он же психиатр) улетел в Крым, а через два дня позвонил по телефону и потребовал (не попросил!) немедленно вылетать к нему.

— Ненормальный! На какие шиши?!

— Слушай меня внимательно! Сегодня же ты звонишь первому и объясняешь, что тебе нужен билет на симферопольский самолет. (Она даже не успела зорать и возмутиться). Потом сразу же звонишь второму и спокойно, без эмоций, объясняешь, что тебе нужно столько-то денег, чтобы отдохнуть в Крыму.

Она захохотала:

— Это ты мне предлагаешь?! Плохо же ты меня знаешь!

— Ты все поняла? Жду телеграмму с датой вылета и номером рейса.

А дальше с Ней стало происходить нечто непонятное. Она, как запрограммированный механизм, звонила, говорила, ездила, брала, покупала, собиралась, не только не узнавая себя, но даже не задумываясь над тем, что изменяет своим всегдашним принципам, делает что-то совсем ей несвойственное, четко зная только одно: так надо.

Потом Она оказалась в симферопольском аэропорту. На площади стояли ряды машин, автобусов и такси. И почему-то именно к Ней, а не к кому-нибудь другому из толпы пассажиров, вышедших из самолета, подошел незнакомый водитель "Скорой помощи".

— Мадам. Я еду в Мисхор. По вашему лицу вижу, — Вам туда же. Денег не надо. Я иду симпатичную попутчицу.

Это была уже фантастика! "Скорая помощь" пришла на помощь! Прямо-таки — роуль в кустах.

За милой непринужденной беседой Она не заметила, как пролетело время и машина въехала в Мисхор. По дороге шел психиатр. Она выбежала ему навстречу. Он только изумился. — С ума сойти! Почему ты приехала на "скорой", а не на такси?

— А он сам меня нашел.

Ну, то, что произошло дальше, это уже из области "такого не бывает". Они пришли в гостиницу.

— Сейчас мы пойдем на пляж. Начинается твой отдых. Я очень прошу тебя: на десять дней забудь обо всем, что осталось в Ленинграде, — ты отдыхаешь. И, самое главное, пожалуйста, на пляже не влюбись в одного человека, не будь разговорит в кого.

— Ха-ха-ха! Опять твои московские остроты. И они пришли на пляж.

Она вошла в воду и отрешенно поплыла. Было тихо и покойно на душе, светило совсем не жаркое крымское солнце, море было ласковое и теплое, небо — далекое и бесконечное. Она доплыла до ярко-красного шара буйка и задержалась, наслаждаясь одиночеством, — в море не было ни души, все загорали на берегу.

И вдруг совсем рядом из воды показалось симпатичное лицо:

— Здравствуйте. Вы меня не знаете, а я вас знаю давно и люблю.

Из моря они вышли вдвоем, крепко держась за руки. Бедный психиатр только вздохнул:

— Вот этого я и боялся.

Больше Она его не видела.

Вы, конечно, догадались, что это появился наш герой, которого мы условились называть Он.

Десять дней! Всего десять дней! А так много! Они пронесли как один миг, как вспышка молнии, и в то же время были так заполнены событиями, эмоциями, впечатлениями, так разнообразно насыщены — целый громадный кусок Ее жизни.

Они бродили по горам, плавали в море, валялись на песке, читали стихи, ночевали в палатках туристов-геологов, смотрели в ночное небо

и угадывали созвездия, загадывали желания, когда падала звезда.

Мир открыл Ей себя таким, каким Она его еще не знала. Она ощущала себя и воспринимала все вокруг как человек, который родился взрослым.

Она жила! Она видела, слышала, осязала, вкушала, смеялась, радовалась, удивлялась, восхищалась, любовалась — наслаждалась!

Это было так долго и бесконечно прекрасно! И вдруг кончилось так же внезапно, как и началось.

Но Она нисколько не огорчилась, а отнеслась к этому, как к должному, — все правильно, просто жизнь продолжается, и это прекрасно.

Они расстались в аэропорту, согреты крымским солнцем, омытые черноморскими волнами, загорелые, молодые, красивые, талантливые, переполненные друг другом, не задумываясь над тем, что будет завтра, да что там завтра? — даже сегодня вечером; не поинтересовавшись ни адресами, ни телефонами друг друга, расстались так, будто улетали не в разные города, а сажались на одной станции метро в поезда противоположного направления. Они просто были счастливы.

Она вернулась в свой город.

Счастливая! Счастье было с ней, счастье было в ней. Она не ходила, — Она летала. Она не говорила, — Она пела, Она не думала, — Она мечтала.

Ее прекрасный город, который Она всегда любила, казался Ей еще прекраснее, Она впервые видела город Его глазами. Она, как добрая фея, делилась с ним своими сокровищами, — Невой, парками, дворцами, разводными мостами, светлыми, как нигде в мире, ночами. По вечерам Она писала ему нежные и удивительные письма.

В одном:

Если ты приедешь и не застанешь меня дома, ключ всегда тебя ждет с внутренней стороны двери на ленточке, — открой дверь почтового ящика. Дождись меня. Еда в холодильнике.

В другом:

Каждое утро я просыпаюсь очень рано от того, что чувствую, ты уже идешь ко мне по моему парку. Выбегаю на балкон и, не увидев тебя, говорю себе, — ну, что ты так торопишься, у него же сегодня спектакль, он придет завтра. А потом вспоминаю, — ты же не знаешь моего адреса.

В третьем:

Сегодня был замечательный, удивительный спектакль, потому что я знала, в третьем ряду справа сидишь ты, — я играла для тебя, я играла о тебе. Спасибо!

В четвертом:

Это написано не тебе и не мною, но ты все-таки прочти.

"Вы не бойтесь. Это одно такое письмо. Я ведь не глупей стала и не нищей, оттого, что Вами захлебнулась. Вы еще не понимаете, что Вы, — одаривающий. Предстоит огромная бессонница Весны и Лета, я себя знаю, каждое дерево, которое я облюбую глазами, — будет — Вы. Как с этим жить? Дело не в том, что Вы будете там, а я — здесь, дело в том, что Вы будете там, а я никогда не буду знать, есть Вы или нет. Сегодня, возвращаясь домой, я с такой силой думала о Вас, нет, не о Вас, о себе без Вас, — ноги пройдут миллиарды верст, пока мы встретимся. Встреча с Вами была бы для меня некоторым освобождением от Вас же. Выдохом. Я бы (от Вас же) надыхалась в Вас. Вы только не сердитесь. Это не чрезмерные слова, чувства, уже исключают понятие меры! Я и говорю меньше, чем есть. Сейчас два часа ночи — Вы будете живы?"

А ты сегодня спи спокойно, потому что я думаю о тебе хорошо и тихо.

Когда писем накопилось достаточно много, она решила, что это неправильно, — почему они лежат здесь, а он их не читал и не знает, как Она любит Его. И Она послала на адрес Его театра телеграмму: "Зайдите на улицу Горького. Главпочтамт. До востребования".

Несколько дней Она ждала Его звонка.

Звонили много. Она летела на крыльях через всю квартиру, жадно хватала ставшую такой драгоценной телефонную трубку. Не Он. У нее хватало терпения ласково отвечать всем звонившим.

Наконец, Его голос!

И вдруг услышала из другого города истерические вопли: «Это не мне! Ты меня с кем-то перепутала! Я совсем не такой! Ты меня придумала!»

Она плакала от счастья и могла только шептать без конца: нет, не перепутала, нет, не придумала, это тебе, тебе и только тебе. Я даже не знала, что могу писать такие письма и никогда их не писала, потому что это только тебе.

Через пару дней Она получила толстую баннероль — все письма были присланы обратно.

Но это Ее не погасило. Она была уверена, он просто не видит ее глаз, не слышит ее интонаций, разве можно поверить равнодушной бумаге.

А через короткое время Он приехал на гастроли. Это были несколько дней другого, совсем другого счастья. Да! Она поняла, что у счастья, оказывается, так много форм и оттенков. Эти дни Она называла "Ленинградскими каникулами" по аналогии со своим любимым фильмом "Римские каникулы".

Теперь Он действительно сидел в третьем ряду справа, как и Она на его спектаклях, — неважно в каком ряду.

Друзья не узнавали Ее: "Что с тобой?" Она, сияющая, не в состоянии сдержать переполняющего Ее восторга жизни, коротко отвечала: "Мой любимый приехал".

Но и "каникулы" кончились.

Иногда Он приезжал на съемки. Теперь Он знал и адрес, и телефон. Она всегда встречала и провожала Его. Теперь он часто звонил Ей. Однажды, увидев Ее по телевидению, он позвонил и закричал: "Какая ты была красивой!"

Это снова была до сих пор не изведанная Ею форма счастья — красивой Ее еще никто и никогда не называл!

Шли годы. Она по-прежнему была полна Им и не уставала быть счастливой.

Время от времени Она получала разнообразные подтверждения неуязвимости отношений.

То приезжала Его партнерша по съемкам и рассказывала, что все свободное время они говорили только о Ней: какая Она замечательная, удивительная, несравненная и так далее; то Он сам звонил и спрашивал, не вышла ли Она замуж, на что Она отвечала: «Нет. И, думаю, уже никогда не выйду, потому что есть только один человек, с которым это было бы возможно, но он не любит Ленинград, а я не люблю Москву».

И оба понимали, о ком идет речь. Однажды Она случайно познакомилась с женой Его друга и узнала, что "Он" после Вас так несчастен". На что Она спокойно отвечала: а я все равно счастлива, потому что у меня есть Он.

Как-то Она оказалась в мастерской мало известного художника и остановилась у одной нишей не примечательной картины. То, что Она увидела, и потрясло, и успокоило Ее. На картине был изображен земной шар, и по разным его сторонам, но друг за другом, шли две маленькие фигурки, — мужская и женская. И все.

И Она вдруг поняла! Как все гениально просто! Это же Он и Она! Они знают друг друга! Они любят друг друга! Они помнят друг о друге! Просто находятся в разных точках земного шара! И так будет всегда!

Просто в тот летний крымский день Судьба подарила их друг другу и свела в одной точке, — на мгновение, но свела!

И как это прекрасно!

А сравнительно недавно Она, случайно оказавшись в шумной компании, испытала глубокое волнение, когда заезжий москвич, естественно, не подозревавший об Их "космической связи", сообщил собравшимся московскую новость: Он женился. Она, сделав вид, что Ее это мало интересует, вся напряглась, превратившись только в слух, — среди общего шума и гамма Она слышала только голос приезжего. А когда любознательные коллеги, удовлетворив свое здоровое любопытство, переключились на другую тему, Она, узнав, что Его избранница "хорошая хозяйка, прекрасно готовит и умеет создать уют", успокоилась. Слава Богу, Ему теперь хорошо. Он накормлен, ухожен и не одинок — ведь все равно Они идут по разным сторонам земного шара.

Вот такая у меня славная и глубоко мне симпатичная история "О любви".

А теперь мое личное стороннее отношение к рассказанному и к самой "проблеме".

По моему, теперь уже глубочайшему убеждению, любовь — это состояние души. Мало того, это талант, который отпущен свыше и далеко не каждому, как и любой талант.

Прежде всего, он далек от обывательского понятия "любовь, — значит мой, моя, мое."

И, конечно же, в основе женской любви материнское начало: моему любимому хорошо — и я счастлива.

И потом, обратите внимание, самые лучшие, самые страстные стихи о любви Марина Ивановна Цветаева написала кому? Совсем не тем, к то был рядом с ней.

Блистательный цикл к Блоку, которого изда- лека видела три раза.

У меня в Москве купола горят.

У меня в Москве колокола звонят

Но моя река, да с твоей рекой,

Но моя рука, да с твоей рукой

Не сойдется, радость моя, доколь

Не догонит заря зари.

Или

Свете тихий, святые славы,

Всдержитель мой души.

А гениальные "Поэма горы" и «Поэма кон- ца» — человеку, который был явно недостоин их, но только своим существованием осветил целый кусок ее одинокой жизни, подарил такие страстные — и счастливые, и горестные, — переживания, вдохновил на такие потрясающие сти- хи.

А Рильке?!

Сколько немислимо-страстных слов было ею написано ему. Однажды судьба пожелала, казалось бы, быть милостивой к ним и назначи- ла встречу. Но потом будто бы раздумала, и они разлучились по дороге.

И какой взрыв страсти в письмах и стихах по- следовал за этим!

А мое любимое и невыносимо прекрасное

Я бы хотела жить с Вами в маленьком горо- де, где вечные сумерки и вечные колокола

И может быть. Вы бы даже меня не любили.

Потому что для истинной любви совершенно

необязательна взаимность.

Всю мировую любовную поэзию сотворила

любовь неразделенная.

И да здравствует Любовь — счастливая и не- счастливая, взаимная и невзаимная, богатая и бед- ная, вымышленная и реальная, но Любовь!

Слава и хвала вам, родные мои Женщины,

умеющие любить!

И низкий вам поклон и бесконечное спасибо,

бесценные и несравненные наши Мужчины, не

мешающие нам это делать.

Журнал, который задал мне вопрос о жен- ском счастье, не родившись, канул в вечность, телефон редактора безмолствует. А у статьи появилось продолжение.

Теперь можно расконспирироваться и при- знаться, что никакой "приятельницы" не суще- ствовало в природе. Она, — это просто я. А Он...

Так сложилась судьба...

Боже мой, до чего же изобретательна и не- предсказуема жизнь!

Мне довелось с Ним встретиться. Через

столько лет! И даже много общаться.

И что же?!

Оказалось, что "Он" совсем не "Он". А про- сто самый до банальности обыкновенный он.

Оказалось, что "Он" был катастрофически

прав, когда кричал в телефонную трубку: это

не я, это не мне, ты меня придумала.

И как это прекрасно, что мы разъехались так

вовремя.

И я не успела разочароваться.

И все равно, спасибо ему за то, что тридцать

лет освещал мою жизнь, заполнил ее смыслом

и любовью.

Это мое богатство, это мое счастье, и его у

меня никто не отнимет, даже он сам.

Просто, как выяснилось, я сыграла в своей

жизни еще одну роль, такую дорогую и продол- жительную, на целых несколько десятков лет.

Но...

Я же не умею быть несчастливой, я же не

умею жить невлюбленной.

Я снова влюблена! И в кого?!

А просто в Александра Сергеевича Пуш- ки- на! Как это у Маяковского? — "Ревновать так к

Копернику!"

Судьба — через посредничество Владимира

Рецептера и Геннадия Тростенецкого — послала

мне возможность пережить любовь еще одной

женщины — Тани-цыганки, в спектакле "О, те,

которые любили" в Пушкинском центре, соз- данном и возглавляемом Рецептером.

Пока я резпетировала, знакомилась с матери- алем, биографией и перепиской, все шло, как и

полагается, — спокойно, на познавательном

уровне. В нашем спектакле разыгрывается до- вольно убедительная версия, что "Я помню чуд- ное мгновение" посвящено не Анне Петровне

Керн, а другой женщине. Когда я об этом узна- ла, это вызвало во мне яростное сопротивление.

Я объясняла режиссеру, что я выросла,

воспитанная на не подлежащем сомнению фак- те, что Анна Петровна и "Я помню чудное

мгновение" — понятия неразделимые, что Ната- лья Николаевна — жертва придворных сплетен,

а Александр Сергеевич — "невольник чести, пал

оклеветанный молвой". Но когда я окунулась в

двухтомник Вересаева, в массу других матери- ал- ов, наконец, в сами произведения, — и читала

все это уже подсознательно с точки зрения са- мой Тани, — мое отношение ко всему резко сме- стилось в другую сторону.

К премьере дело кончилось тем, что я сильно

не люблю Анну Петровну, — эту кокетку-само- званку, присвоившую себе гениальное стихо- творение, ненавижу, другого слова у меня нет,

ненавижу Наталью Николаевну, эту пустую,

недалекую, расфуфыренную куклу, разорив- шую гениального человека, доведшую его до истерического состояния безвылазными долги- ми из-за своих трюпок, всем своим существова- нием мешавшую ему творить!

Ведь это только подумать!

Мы, цыгане, взалхлеб читали его стихи, а я так просто "много помнила наизусть", а собствен- ная жена скучала и зевала (!), когда он пытался прочесть что-нибудь новое, а еще хлеще (!), го- ворила ему прямо в лицо: "Господи! До чего ты мне надоел со своими стихами". А когда прихо- дил кто-нибудь из знакомых, она радовалась: "пусть он почитает вам, а я пойду посмотрю свои новые платья".

Это надо же!

Она таскала его по великосветским балам, выплясывала с самим императором, подлизыва- лась к императрице, б...вала с этим глупым ни- чтожеством-французом, а Александр Сергее- вич, бедный, жаловался в письме своему другу: «Вчера такое горе взяло, что и не запомню, чтоб на меня находила такая хандра. Одна мне и есть-выгода от отсутствия жены, что не обя- зан на балах дремать да жрать мороженое».

А какой он был, когда ездил к нам в хор. От его задумчивых глаз невозможно было ото- рваться, а каким звонким детским смехом он смеялся, заразительно и громко, а его зубы, с которыми белизной могли равняться только перлы...

А как он любил меня!

Однажды Павел Воинович привез его к нам в хор, и я первый раз спела ему свою песню. С тех пор он называл меня или "радость моя", или "предатель бесценная".

А приезжал он к нам часто и когда вздумает- ся, вечером, а то и утром придет — все мною од- ной занимался.

Он даже наш язык выучил, цыганский!

И все, что он делал, — так весело, хорошо, с удовольствием, и хохотал, хохотал, как ребен- ок.

Он даже хотел про меня поэму сочинить! Ведь за два дня до свадьбы приехал прощаться со мной.

Я места себе не находила, думала, что напро- рочила ему несчастье, когда по его просьбе "спеть что-нибудь на счастье", спела песню, ко- торая хоть и подблюдной называется, а, гово- рят, несчастье предвещает. Я даже жить не хо- тел.

А это она, жена, втянула его в этот грязный омут и довела до дуэли. Павел Воинович рас- сказывал: "Пушкин искал смерти".

Ах, эти неравенства сословий.

Ну, и что? Ведь он же был счастливым с на- ми! Зачем ему было жениться! Вон как славно живу г Павел Воинович с моей подругой Олей, — тоже ведь цыганка.

Я не знаю, где у меня кончается цыганка Та- ня, и где начинается Зина Шарко. Это как-то перепелось!

Во всяком случае, когда мы, пять актрис, в финале поем поминальную молитву, — святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас, — я каждый раз чувствую, что Ал- ександр Сергеевич здесь, рядом с нами, я просто физически чувствую его присутствие, он смот- рит на нас с благодарностью.

Иногда я думаю, как жаль, что я родилась на

целых две сотни лет позже, чем он.

Может быть, все сложилось бы иначе.

И еще. Мне безумно жаль людей, не знаю- щих русского языка.

Ну, на какой другой язык можно перевести "трепетная ревность", а царица, родившая сына, "восхищения не снесла и к полудню умерла" и бесконечное множество другого.

Недаром недавно англичане сделали фильм "Евгений Онегин" в прозе — поняли, что равно- ценного перевода быть не может.

Меня потрясло, что актриса, сыгравшая Татьяну Ларину, только прочтя сценарий, узна- ла, что в природе существует "Евгений Оне- гин". Актриса! Как же она жила до сих пор? Уэ- нала! Узнала — и в прозе?!

Я для себя заново открыла гений Пушкина в своем почтенном возрасте, я сейчас, как в пер- вый раз, перечитываю его стихи, поэмы — удив- ляюсь, восхищаюсь, упиваюсь, наслаждаюсь,

радуюсь, грущу, какие-то строки произношу вслух — и уверена, что этот мой "роман" беско- нечен.

Александр Сергеевич сделал все для того, чтобы я в нем "не разочаровалась" до конца мо- их дней.

Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!

Сцены из спектаклей:

● «Сколько лет, сколько зим!»

Шеметова — З.Шарко

● «Кошки-мышки»

Виктор — М.Иванов,

Эржебет — З.Шарко,

Паула — Н.Ольхина

Продолжение в следующем номере

